

Глава 1. король уходит

В покоях было совсем мало света: тяжелые темные портьеры скрывали окна, а свечи почти догорели. Стояла духота - густая, липкая, пропитанная сладковатым запахом смерти и свечного воска. На роскошной резной постели под золоченым балдахином лежал старик. Серое лицо тонуло во взбитом шелке белоснежных подушек. Черты его были таковы, что сразу становилось ясно: мягкость никогда ни на миг не поселялась в них, а блеклые губы с запекшимися кровинками вряд ли умели искренне улыбаться. И все же в иссохшем лице его еще жила агрессивная, львиная красота - даже шапка седых волос с редкими вспышками смолы напоминала разметавшуюся гриву.

Вот верхняя губа судорожно дернулась, приподнялась, показывая желтоватые зубы. Старик слегка повернул голову, вперив вороний взгляд в спину молодому человеку в оранжевом берете - стоя перед мольбертом, тот ловко орудовал кистью, и лишь очень пристальный наблюдатель сумел бы заметить мелкую дрожь, сотрясающую руку художника. Ему, несомненно, не доставало освещения, но страх перед умирающим сжимал горло крепче чужих ладоней и не позволял просить даже о таком пустяке, как открытое окно.

Старик хрипло рассмеялся: робость придворного живописца доставляла ему подлинное удовольствие - даже сейчас, в полушаге от вечности, он был способен повелевать! Немошь изъеденного недугом тела ничуть не укротила дух - жестокий и властный! И в столь жалком состоянии он внушает ужас подданным! Старый король глубоко вздохнул и закашлялся, подавившись приторной духотой, заполнившей легкие.

Художник, коего, к слову, звали Кассио, напрягся до судорог между лопатками, но не обернулся, сосредоточив все свое внимание на весьма странном задании государя: *Киннан III* повелел ни много ни мало - написать его портрет в полный рост, причем писать следовало именно в королевских покоях и не глядя на умирающего. К тому же надо исхитриться успеть завершить работу до того, как владыка Дангара испустит дух. Кассио недоумевал, к чему такие сложности, и совершенно не представлял, как предугадать наступление скорбного момента. Стоит ли удивляться, что живописец чувствовал себя весьма неуютно и изо всех сил поспешал, стараясь

как можно скорее избавиться от неприятной обязанности, возложенной на него государем?

Монарх прикрыл глаза: тени стали явственней - он не видел их в полумраке залы, но чувствовал, как они тянутся к нему из всех углов. «Нет уж, вам придется остаться без добычи! - Злорадно подумал Киннан. - Я не тот, с кем просто справиться, у меня свои планы!»

Будто возражая, на краешке его сознания обозначился силуэт, запрятанный в темные складки мантии, - он неуклонно приближался, различимый даже через закрытые веки.

- Мой господин, - слова скатились в ухо почтительным шепотом.

Киннан заставил себя сконцентрироваться на этом голосе - низком, с царапающей хрипотцой и в то же время по-женски мелодичном.

- Леди Глэйм, - признал он посетительницу, вошедшую через потайную дверь. - Все ли готово?

- Да, ваше величество. Гонцы к принцу Роланду отправлены. Полагаю, к завтрашнему полудню он будет в замке. Однако не торопите ли вы события?

- В самый раз, - проговорил король и неожиданно резко приподнялся, уставив в лицо женщины жадный черный взгляд, - ты принесла ее?!

Леди Глэйм извлекла из свободно ниспадающего рукава небольшой округлый предмет, пахший воском и жженым сахаром, в другой руке у нее оказался свиток.

- Волшебная печать, - протянул Киннан и удовлетворенно откинулся на подушки, стараясь не замечать плывущий к нему силуэт в ореоле мерцающей синевы. - Действуй, да поживее, - коротко приказал король, - время выходит!

Леди Глэйм покосилась на спину художника, который, казалось, полностью погрузился в свою работу, точно действо, разворачивающееся за плечами, нисколько его не занимало.

- Тратишь драгоценные минуты, - отмахнулся умирающий, - каждый делает то, что должно. Ты делай свое.

Женщина кивнула. Шелестя складками одеяния, она прошествовала к ближайшей свече и грела на огне волшебную печать до тех пор, пока та не стала тягучей, словно жевательная конфета. Леди Глэйм прикрепила печать к свитку и смотрела, как та в свете свечи обретает зловещий буро-красный оттенок и расползается, будто живая. Внезапно печать заискрила, документ моментально оказался опутанным множеством сверкающих нитей. Леди

Глэйм протянула пергамент государю. Тот последним усилием вжал в застывающую массу большой палец правой руки, прошептал:

- Воля моя изъявлена, колдовской печатью запечатана - чему быть - тому сбыться, чему не быть - не сложиться! Слов моих не превозмочь, тайну знает только ночь!

Печать обожгла руку жаром. Киннан вскрикнул, но этот вскрик моментально растворился в сухом потрескивании догорающих свечей. Король сфокусировал взгляд на единственном ярком пятне в комнате - оранжевом бархатном берете художника - и рухнул на подушки.

Черный силуэт вынырнул из своей мантии, сотканной руками тьмы, наклонился низко-низко и овладел сознанием монарха: синеватое свечение отразилось в смоляном зеркале глаз.

Кассио размашисто нанес последний мазок на холст.

Леди Глэйм перехватила запечатанный свиток и снова запрятала в глубине рукава.

Король не дышал.

Художник снял берет и понурил голову:

- Государь опочил, - объявил он.

- Воистину, - холодно согласилась леди Глэйм, безучастно глядя на застывшее неживое лицо владыки. - Я распорядюсь насчет погребения, - добавила она, скользя к выходу, - а вам, дорогой Кассио, стоит поторопиться: согласно повелению государя, утром его портрет уже должен украшать тронный зал, ибо король не намерен покидать своих подданных.

ГЛАВА 2. ОБМАНУТЫЕ ОЖИДАНИЯ

Королевский замок был виден издалека: шпили его башен стремились в высоту столь настойчиво, будто желали перерости самую высокую горную вершину. В свете полуденного солнца мраморные стены казались ослепительно-белыми, а окна вспыхивали золотыми огнями, создавая образ сверкающей драгоценности. Кое-где в белизну врывались сочные зеленые оттенки великолепного сада. Сад этот выглядел причудливо: он располагался на нескольких уровнях, опускаясь каскадом к самому подножию замка, и походил на выющую изумрудную ленту, расшитую цветными нитями, - то радовали взгляд многочисленные клумбы и экзотические плоды.

Замок располагался как бы в горной нише, по обе его стороны с хребтов летели вниз речные потоки, и оттого королевскую резиденцию в народе прозвали «Белым Дворцом меж двух водопадов». Вода с шумом разлеталась в стороны, орошая сады, и они никогда не страдали от засухи.

Не доезжая нескольких метров до замка, Роланд остановился, чуть привстал в стременах и прикрыл глаза козырьком ладони, любуясь открывшейся картиной: он успел почти позабыть сказочную красоту отчего дома. Аромат цветов, смешиваясь с прозрачным запахом летящей воды, ласкал обоняние, извлекая на свет чувства, глубоко запрятанные в тайниках души. Они вспыхивали одно за другим, как капли, поймавшие солнечное отражение.

Последний раз принц посещал столицу лет пять назад. Впрочем, и в прежние наезды Роланд не задерживался здесь более чем на пару дней - так желал отец, запрещавший сыну без особой нужды навещать замок. Отец... Юноша опустил в седло. Сердце билось ровно, птица печаль не уронила в душу ни одного пера со своих крыл. Сказать по правде, Роланд скорее испытывал облегчение. И его едва ли можно осудить: принца отослали из родительского дома в дальнюю приморскую резиденцию сразу же, как только он появился на свет. За все свои двадцать пять лет Роланд вряд ли обменялся с отцом и сотней слов. Киннан III недаром слыл жестоким правителем, но его отношение к собственному сыну и наследнику было совершенно непостижимо даже для самых приближенных вельмож.

- Не по себе, верно? - Черноволосый молодой человек в синей тунике и сером дорожном плаще примерно одних с принцем лет пристроился рядом. - Ты поэтому не спешишь?

Роланд кивнул и пожал плечами:

- На погребальную церемонию мы все равно опоздали. А точнее - наше присутствие там и не требовалось, так что торопиться нет нужды.

Получив весть о близящейся кончине государя, принц немедленно пустился в путь. Он наотрез отказался от подобающей наследнику престола пышной свиты и взял с собой лишь своего ближайшего и, по правде говоря, единственного друга, разделившего с ним все тяготы изгнания, - Виррейн вырос вместе с принцем. До сих пор молодой человек не мог уразуметь, с чего вдруг ему, круглому сироте без роду без племени, не знавшему ни отца, ни матери, выпала высокая честь воспитываться вместе с королевским сыном...

- Что ж, - заметил, помолчав, Виррейн. - Не стану делать вид, будто я скорблю. А ты зато сможешь теперь беспрепятственно исполнить желание своего сердца. Небеса свидетели: вы оба это заслужили!

Роланд улыбнулся, хотя момент не очень подходил для радости, и сжал в пальцах медальон с портретом леди Эллинет.

Замок как бы парил над землей - к нему вели две сотни ступеней, вырубленных в камне неизвестно для чего: никто б не стал давать себе столь серьезную физическую нагрузку, тем более что по обе стороны от них поднималась вверх мощеная серебристо-черной плиткой дорога, вполне удобная для лошадей. К тому же у подножия замковой горы гостей поджидали искусно вырезанные деревянные ладьи - стоило лишь ступить в них, и ладьи поднимали посетителей напрямиком к воротам.

Впрочем, скорее всего, лестница имела иное назначение: через каждые две ступени красовались каменные статуи, изображавшие древних правителей Дангара, замерших в различные позы. Вероятно, по замыслу мастеров это должно было указывать на их прижизненные склонности, ибо кто-то стоял, уперев очи в фолиант, кто-то напряженно всматривался вдаль, сжимая рукоять меча, а кто-то попросту сидел на ступеньке свесив ноги и предавался мечтам. Вот уже не одно столетие изваяния были немymi участниками целого ряда событий, наблюдая их из каменной галереи предков...

Роланд и Виррейн подъемный транспорт проигнорировали, отдав предпочтение лошадям, и мерно покачивались в седлах под звонкий цокот копыт.

Кованые ворота Белого Дворца были гостеприимно распахнуты: принца ждали, и, кажется, с нетерпением. Двор запрудил народ, облаченный в одежды темных оттенков. По древнему обычаю, когда король Дангара уходил в мир иной, все королевство на два месяца погружалось в траур. Запрещалось громко смеяться и носить яркие цвета (впрочем, сей запрет не касался драгоценностей), а любые празднества и увеселения откладывались. Поэтому приветственных выкриков не последовало, однако в них не было необходимости: лица людей говорили куда красноречивее.

Лишь только Роланд спешил, как оказался в объятиях высокого статного человека. Несмотря на преклонные годы, лицо его не утратило живости, карие глаза таили искру - даже потяжелевшие морщинистые веки не могли скрыть мудрого пронизательного взгляда. Серебристая седина обильно усеяла подбородок и виски и резко контрастировала со смуглой кожей лица.

- Добро пожаловать, ваше высочество! - Во всеуслышание объявил он, а затем, перейдя на отеческий шепот, ласково проговорил, - Наконец-то ты дома, мой мальчик!

- Гедеон! - Принц крепко обнял старика, одного из очень немногих людей, за которых без колебания отдал бы жизнь.

Гедеон занимал должность первого министра и главного советника короля, а еще именно он вырастил и Роланда, и Виррейна. Если б принц мог выбирать, то с готовностью назвал бы своим родителем министра, пусть даже ради этого пришлось отказаться от престола. Для Виррейна же советник был и отцом, и наставником, и примером для подражания, а потому юноша с болью отметил, как Гедеон постарел, - государственные дела и придворная жизнь порядком его изнурили...

- Мы рады приветствовать вас обоих, - с теплотой произнес первый министр, - положив руки на плечи своим воспитанникам.

Стоявшие за его спиной члены Королевского Совета были куда более сдержанны в выражении эмоций и лишь почтительно поклонились принцу, предпочитая игнорировать его низкородного спутника. Роланд собрался было выразить недовольство по данному поводу, однако Виррейн незаметно коснулся его плеча и взглядом дал понять, что эта ерунда не стоит внимания.

Молодой человек проществовал следом за принцем и Гедеоном в замок сквозь калейдоскоп лиц и выражений, полных горячей надежды на перемены к лучшему - никто не пытался скрывать своей радости от кончины Киннана, невзирая на траур: народ с нетерпением ждал момента, когда на трон взойдет новый король.

Роланда, без сомнения, ожидали долгих два месяца: ему предстояло вникнуть во все дела, ознакомиться с текущими вопросами и нерешенными проблемами, коих в Дангаре, как оказалось, полно, ибо Киннан за последние годы совсем забросил королевство. Если бы не первый министр, всей душой радеющий за благо государства, принц унаследовал бы разруху и пустую казну. Последний момент его особенно озадачил. Роланд в первый же вечер запросил у Хранителя казны лорда Коэна расходные книги и с удивлением узнал, что отец тратил огромные суммы. Но цель этих трат была не ясна. Каждая строчка заканчивалась печатью с королевским гербом, без каких-либо указаний.

- Что сие означает? - Поинтересовался Роланд у лорда Коэна, вызванного на беседу.

- Не могу знать, ваше высочество, - с почтительным поклоном отвечал Хранитель. - Вы ведь понимаете: мне не дозволено требовать отчета у государя, а он не имел обыкновения объяснять свои повеления.

- И все же вы не могли не заметить некоторые странности: например, тот факт, что отец особенно много денег расходовал в последние года три, до этого времени записи мало отличаются одна от другой.

- Совершенно верно, - согласился лорд Коэн. - Однако я привык не озвучивать свои мысли вслух, ибо вспыльчивость короля известна далеко за пределами Дангара. Уверен, вы поймете мое желание не окончить жизнь в петле или жарясь под солнцем пустыни.

Роланд хмыкнул, сведя к переносице темные брови: очевидно, копать здесь бесполезно - казначей, как и все остальные, слишком боится Киннана. И после смерти его призрак зловеще реет над королевством, внушая ужас всем и вся - очень уж показательны лютые расправы...

- Но у вас есть хотя бы предположение, куда утекло столько золота? Да за него можно целое государство купить вместе с подданными! - Принц пристально наблюдал за реакцией Хранителя казны и заметил в нем некоторое смятение.

Тот, пытаясь спрятать глаза, замер в поклоне:

- Простите, мой господин, я ничего не знаю. Могу лишь смиренно просить вас проявить милость, если вы видите мою вину. Я готов сию минуту оставить свой пост, коли вы сочтете это необходимым.

«Ничего себе!» - мысленно воскликнул изумленный Роланд. Он уже понял: из разговора не извлечь зерна, а от словесной шелухи толку мало: даже если лорду Коэну и известно нечто любопытное, на устах его печать молчания - виной тому ужас или нечто другое, не столь уж важно. Вслух принц заверил казначея, что вполне удовлетворен его службой и отпустил с миром. Сам же подошел к окну и залюбовался южным краем неба. Звездные барашки уже окружили лунного пастушка: тот подсчитывал стадо, не забывая одаривать засыпающий Дангар холодным серебром своего света. Море шумно волновалось где-то вдали: его не увидеть из замка, а жаль - Роланд любил волны, они спели ему столько колыбельных...

Он глубоко вздохнул: хорошо, что существует час, когда можно сбросить с плеч заботы, отложить их, как неизбежную, но надоевшую вещь. Пальцы снова потянулись к медальону, с которым принц не расставался:

- Потерпи еще немного, Элли! Уже совсем скоро мы будем вместе! И никто больше посмеет назвать наш союз недостойным!

- Ну, расскажи мне, как ты? Потешь старика! - Гедеон приветливо улыбался своему молодому воспитаннику, поудобнее устраиваясь на бархатной подушке кресла.

- Что рассказывать? Ничего нового не случилось с того момента, как ты гостил в нашем замке у моря!

Вечер в компании наставника умиротворил Виррейна. До сих пор он чувствовал некое напряжение, висящее в воздухе: кончина короля, прибытие ко двору, встреча Роланда - все это казалось ему ненастоящим, странной декорацией. Словно события были кем-то заранее подготовлены и к чему-то вели, а принц и сам Виррейн - просто фигуры на шахматном поле, подвластные чужим манипуляциям. Это юноше совсем не нравилось, оттого-то он частенько хмурился, всматривался в каждого, кто попадался ему на пути, будто ища подвох...

Его красивое скуластое лицо с налетом высокомерия отталкивало людей, но на деле служило лишь защитой безродному найденышу, который мало от кого слышал доброе слово. Знать взирала на него с высоты своего величия, Виррейн отвечал тем же и перестал замечать, что выражение, нацепленное им от безысходности, почти приклеилось, как маска, которую с каждым разом все труднее снимать. Лишь в обществе самых близких - принца и первого министра - молодой человек позволял себе быть таким, какой он есть.

Сейчас Гедеон и Виррейн сидели у очага, наслаждаясь тишиной и обществом друг друга. В окна мягко лилась ночная чернь, но не смела подступать слишком близко, напуганная теплым танцем огня. На столике между мужчинами стояли серебряный поднос, два кубка и кувшин с самым лучшим вином, а дангарские вина славились по всем миру!

- Через два месяца Роланда коронуют, - произнес первый министр, будто ставя галочку в списке неотложных дел, - но прежде ему предстоит сочетаться браком!

- Ну, за этим дело не станет, - благодушно усмехнулся Виррейн, щурия синие глаза на пламя и делая глоток. - Полагаю, если б не траур, наш принц женился бы хоть завтра.

Гедеон засмеялся:

- Да уж, за него я спокоен: из леди Элли получится прекрасная спутница жизни. А вот ты, мой друг, имеешь ли сердечную склонность? Тема деликатная, однако, думаю, могу поинтересоваться: как-никак я твой названный отец.

- Жаль разочаровывать тебя, но моя душенька спокойна, и никто ее не берет.

- Хм, мне странно это слышать, ибо я вижу, сколько нежных взглядов разбивается о броню, выкованную в кузнице твоих сомнений, - лукаво подмигнул министр. - Ты хоть замечаешь, как красавицы Дангара смотрят на тебя?

- Ну да: как на сорняк, который случайным ветром занесло в королевский розарий, - фыркнул Виррейн, не видевший себя в роли завидного жениха.

- О, мой мальчик, если б ты только знал, как неправ! - С неожиданным отчаянием вдруг воскликнул Гедеон.

В его голосе слышалось страдание, словно старик не мог простить себе давний грех, который мучил его с каждым днем все сильнее. Юноша встревожился, взглянул на своего наставника:

- О чем ты говоришь?

Старческую руку скрутил спазм, бокал накренился, и рубиновая жидкость выплеснулась на зеленую с золотом тунику, расплывшись мокрой кляксой у сердца. Виррейн затряс головой, пытаясь не пустить рвущийся в мысли образ кровавого пятна...

- Ты должен знать, мой мальчик, должен знать, - будто в забытьи бормотал Гедеон. - Но сейчас я слишком устал.

Молодой человек бережно подхватил его под руки и помог прилечь.

- Я возлагаю на тебя большие надежды, - прошептал первый министр, всегда уважавший ясный ум своего воспитанника. - Тебе предстоит занять мое место, потому что без твоих советов Роланд не справится...

- Мы поговорим об этом в другой раз, - Виррейн успокаивающе похлопал старика по предплечью, - к тому же мне кажется, ты рано собрался на покой.

Гедеон кивнул, снял сдавивший голову золотой обруч, чуть влажный от выступившего пота:

- Ступай, сынок, - проговорил он, закрывая глаза. - Отдохни. Всем нам потребуются силы.

Виррейн с поклоном удалился, но его не оставляло ощущение, что наставник чуть было не раскрыл давний секрет, причем, судя по всему, не очень-то благовидный...

Когда следующим утром принц спустился в тронный зал, то обнаружил, что основные члены Королевского Совета уже там. Помимо первого министра, его ожидали лорд Коэн, лорд Дин, лорд Элидар и леди Глэйм, облаченные в длинные черные с золотом одежды. Все они поклонились его высочеству и выстроились по обе стороны от трона, стоявшего на небольшом возвышении. Это означало, что Роланду надлежит занять место владыки Дангара. Он молча прошествовал к трону, надеясь, что никто не замечает, насколько неприятные ощущения его одолевают. Принц от души пожалел, что Виррейн отказался составить ему компанию.

- Ты ведь станешь главным советником и первым министром! Почему бы не включиться в обсуждение насущных вопросов? - Роланд попытался надавить на чувство долга, но не сработало.

- Возможно, - лениво откликнулся друг и весело подмигнул. - Однако пока я всего лишь твой оруженосец, коему нечего делать в обществе столь знатных особ. Придется тебе самому воевать с демонами в лице твоих будущих придворных!

- Зубоскалишь? Не поможет! Все равно часть проблем я свалю на тебя - не одному ж мне расхлебывать последствия загадочной отцовской расточительности!

Виррейна угроза не напугала, он лишь слегка склонил голову в знак согласия, прижал правую ладонь к левой стороне груди и пафосно изрек:

- Воля ваша, мой государь!

И Роланду пришлось встречаться с советниками одному. Удивительно, но он чувствовал себя так, словно оказался в стане врага. Если б не Гедеон, юноше вообще б захотелось сбежать на край света! Впрочем, Роланд тут же одернул себя: подобные мысли пристали рабу, но не наследнику престола!

- Благодарю вас, господа, сударыня, что взяли на себя труд так быстро ввести меня в курс дел. - Сказал принц, подавляя желание сразу же объявить о роспуске членов Совета, и осекся: с противоположной стены на него смотрел... Киннан III собственной персоной! Портрет в полный рост вызывающе поблескивал золотой рамой, настойчиво привлекая к себе внимание. Старый король предстал перед зрителями во всем своем великолепии и роскоши одеяния, властная жестокость читалась в каждой черточке его лица, глядела из черного омута глаз. Даже будучи всего лишь изображением, он подавлял любого.

Роланд не сдержался: